

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

А.М.Руткевич

**ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ
УЧЕНИЕ О СИМВОЛЕ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Препринт WP6/2003/03
Серия WP6
Гуманитарные исследования ИГИТИ

Москва
ГУ-ВШЭ
2003

УДК 159.964.26
ББК 88.2
Р 83

Редактор серии WP6
“Гуманитарные исследования ИГИТИ”
И.М. Савельева

Руткевич Алексей Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН

Руткевич А.М.
Р 83 Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. —
Препринт WP6/2003/03. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 32 с.

В данной брошюре рассматривается одна из центральных проблем психоаналитической теории и практики — проблема истолкования символов (сновидений, невротических симптомов). Эволюция психоанализа от ранних физикалистских гипотез З. Фрейда к ряду теорий символизма протекала как в рамках ортодоксального психоанализа (Э. Джонс, эго-психология), так и в учениях “схизматиков” и “ревизионистов” (К.Г. Юнг, Э. Фромм). Психоаналитическая теория истолкования сопоставляется с возникшими ранее и независимо от психоанализа историко-филологической и философской герменевтикой. В качестве примера синтеза двух этих традиций рассматривается “глубинная герменевтика” немецкого психоаналитика А. Лоренцера.

УДК 159.964.26
ББК 88.2

© А.М. Руткевич, 2003
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2003

Способность к символической репрезентации является общим источником мышления, языка и общественной жизни. Все другие системы коммуникации производны от языка, опосредующего взаимоотношения человека с миром, организующего эти отношения согласно собственным правилам. Через различные знаковые системы осуществляется небиологическая передача культуры, живущей по законам не Дарвина, но Ламарка — традиция есть передача благоприобретенных признаков. Знания, навыки, образцы поведения, предписания и запреты — все это невозможно без языковой коммуникации. С этим сегодня согласны представители самых различных направлений философской, социологической, психологической мысли, здесь нет расхождений между последователями Хайдеггера или Кассирера, Витгенштейна или Соссюра. “Лингвистический поворот” характерен для практически всех школ западной философии, не избежал его и психоанализ, который возникал в совсем иной идейной атмосфере.

Фрейд отталкивался от естествознания XIX в., был воспитан в физиологической лаборатории, успел опубликовать до создания психоанализа ряд трудов по неврологии и физиологии мозга. Недоступность невротических заболеваний для клинической психиатрии заставила его искать иные средства диагноза и лечения. Невротик переживает свои симптомы как нечто непонятное, как с ним “происходящее” без его воли и желания. Труднопередаваемые субъективные впечатления постепенно обретают контуры в сознании пациента, когда они приходят к языку. Аналитик может узнать о них тоже только через речь анализируемого. Клиническая медицина всегда признавала роль психологического воздействия разговора с пациентом (нежелательность ятрогений, эффект плацебо и т.д.); правильный диагноз иногда невозможен без ответов пациента на поставленные врачом вопросы. Но для психотерапевта язык представляет собой главное средство и диагноза, и лечения. Развитие техники психоанализа опережало теоретическое осмысление. Фрейд шел от гипноза, где врач вводит пациента в гипнотическое состояние и контролирует

ет ситуацию, тогда как говорит практически все время пациент. Этот эмоциональный, драматичный поток слов не осознается пациентом. Катартический метод Брейера, названный первой пациенткой психоанализа (“Анна О.”) *talking cure*, уже в явной форме предполагал, что симптомы исчезают вместе с их вербализацией: приходя к слову, аффект как бы разряжается. Фрейд никогда не оставлял энергетической модели психики, полагая второй закон термодинамики чуть ли не главным законом психологии. Однако развитие психотерапевтической практики поставило перед ним вопросы, на которые он не мог дать ответ, пользуясь той энергетически-гидравлической моделью, которая была им сформулирована в середине 90-х гг. XIX в.

Техника свободных ассоциаций отличает психоанализ от всех других направлений психотерапии и до сих пор является фундаментом психоаналитической практики. Здесь говорит почти исключительно пациент, тогда как врач является молчаливым “зеркалом”, медиумом коммуникации. Пациент осознает все с ним происходящее, он свободен в каждом отдельном своем высказывании, но направление потока речи, последовательность этих высказываний уже не произвольна. Фрейд обнаружил такие явления, как “перенос” (“трансфер”) и “контрперенос” бессознательных влечений и некоторые другие особенности психоаналитического диалога. Техника свободных ассоциаций применялась им уже в конце XIX в., но осмыслялась в духе энергетической модели, нашедшей свое выражение в так называемом “Проекте” (1895), где язык определялся как “суррогат действия”, с помощью которого происходит “абреагирование” аффектов. После того, как были убраны препятствия, психическая энергия выходит на поверхность и разряжается, а вместе с тем исчезают невротические симптомы. Языковые знаки рассматриваются здесь как физические события, символы выступают как своего рода “симптомы памяти”, они не отсылают к мысленному содержанию, знак не имеет содержательной связи с означаемым. Знаки первоначально были для Фрейда простыми сигналами, которые не нуждаются в интерпретации. Символами они называются только потому, что одно физическое событие замещает другое.

В “Толковании сновидений” (1900) мы имеем дело уже с содержательной трактовкой символов, с так называемой *eigentliche Symbolik*. Символы сновидений, оговорки и другие ошибочные

действия нуждаются в толковании, за явным смыслом стоит скрытый. Фрейд сравнивает символы с иероглифами, и такое сравнение достаточно верно передает понимание Фрейдом символизации: иероглифы происходят от пиктограмм, которые чем-то напоминают обозначаемое. Иероглиф требует расшифровки, поскольку его значение непонятно тому, кто не знаком с тем, как трансформировалась в абстрактный знак конкретная пиктограмма. Символы рассматривались в “Толковании сновидений” и многих последующих работах крайне узко, в духе присущего Фрейду пансексуализма. Значения неразрывно связаны со знаками, они не зависят от индивидуального опыта. Каким бы ни был осознаваемый опыт, всякий продолговатый предмет становится знаком мужского полового органа, а всякое отверстие или впадина — женского; поднимаетесь ли вы во сне по лестнице или летаете во сне, значением такого движения оказывается половой акт и т.д.¹ Не только ограниченная сексуальная интерпретация символов вызвала критику этой теории. В ней отчетливо проявилась вообще характерная для мышления Фрейда тенденция: возводить в ранг сущностей, субстанций открытые им феномены. Эти сущности, конечно, не были чистыми порождениями фантазии. Фрейд был невероятно наблюдательным врачом, ежедневно имевшим дело с эмпирическими данными. Но их он истолковывал в духе тех схем, которые он либо заимствовал из различных наук своего времени, либо вдохновенно изобретал — и тут же овеществлял. К. Бюлер точно определил эту особенность мышления Фрейда, назвав его *Stoffdenker* — субстанциальное, вещественное, материальная причина обнаруживаются Фрейдом, тогда как функциональное или формальное им игнорируются; всякое объяснение ретроспективно, происходит редукция к самым ранним стадиям; упускаются развитие, творчество, игра, перспектива². Овеществленные сущности сначала выводятся из эмпирии, но поспешно и некритично, на основе рискованных аналогий (например, между детскими влечениями и сексуальными пер-

¹ “Если число обнаруженных психоанализом символов очень велико, то поле символизируемого весьма ограничено: тело, родители и родственники, рождение, смерть, нагота и прежде всего пол (сексуальные органы, половой акт)”. Laplanche J., Pontalis J.B. / *Vocabulaire de la Psychanalyse*. Paris: PUF, 1967. P. 479.

² Buhler K. *Die Krise der Psychologie*. Berlin; Wien, 1929. S. 189—191.

версиями, между невротами, Эдиповым комплексом и психикой дикарей и т.п.). Затем полученная скрытая сущность уже объясняет эмпирию, как нечто “глубинное”, “подлинное”, “внутреннее”, недоступное наблюдению и неопровержимое. Здесь мы имеем дело не только с кругом в размышлении, но и своеобразной “прививкой” от любой критики. С помощью ссылок на бессознательное можно объяснить все что угодно, здесь “все кошки серы”; реификация психических явлений иногда напоминает стиль мышления мольеровских медиков (когда агрессивное поведение объясняется агрессивностью).

В случае символов их онтологизация происходила за счет сведения к “первичным процессам”, к бессознательным влечениям. “Подлинной символикой” (*eigentliche Symbolik*) названы именно те знаки, которые отсылают к вытесненным влечениям. Психоаналитик открывает за явным смыслом вытесненный из сознания, принадлежащий “архаичному наследию”, которое “охватывает не только предрасположенности, но также и содержания, следы памяти о переживаниях прежних поколений”³. Это наследие соответствует инстинктам животных как коллективная память, сохранившая древние прасимволы некоего палеоязыка, предшествующего словесной коммуникации. Онтогенез повторяет филогенез, причем Фрейд признавал, что психоанализ в своих “прикладных” исследованиях не может обойтись без учения о биологическом наследовании благоприобретенных признаков — иначе рушатся все аналогии между индивидуальным развитием и эволюцией человеческого общества.

Первым критиком фрейдовской теории символизма был К.Г. Юнг, отбросивший трактовку символов как репрезентаций сексуального влечения. Он совершенно справедливо заметил, что у Фрейда речь идет, по существу, не о символах, а о знаках с постоянными значениями типа индексов. Хотя они не являются произвольными и не всегда соотносятся 1 : 1 с обозначаемым, знаки у Фрейда имеют заранее установленное значение. У Юнга символы многозначны, живая конкретность особенного не просто указывает на общее, но через конечное передает бесконечность смысла. Юнг следует за теорией символа христианского

³ Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. С. 223.

неоплатонизма и в особенности немецкого романтизма — его вообще можно считать наследником романтизма в трактовке гностицизма, алхимии, мифологии и религии. В отличие от Фрейда, он четко разграничивает методы научного объяснения и герменевтического понимания, причем именно последнее специфично для психотерапии⁴. Просветительству Фрейда, склонного видеть в символе искажение, деформацию (или, по меньшей мере, нечто примитивное, детское), Юнг противопоставляет символический универсум как подлинно человеческое. Фрейд мог называть мифологию вслед за М. Мюллером “детской болезнью”, “языком в состоянии самозабвения”⁵, тогда как для Юнга миф представляет собой вечную жизненную основу психики каждого индивида. Символы суть праобразы, в которых представлены архетипы коллективного бессознательного; разрушение “священных стен” символов, характерное для последних веков европейской истории, является для Юнга первопричиной как индивидуальных психопатологий, так и кризиса всей западной цивилизации.

Следует заметить, что в толковании сновидений, невротических симптомов и т.п. Юнг крайне редко связывает их с вытеснением и “цензурой”. Если у Фрейда внутренний мир есть поле нескончаемой борьбы, конфликта различных инстанций, то у Юнга изначально единство сознания и бессознательного — *compositio oppositorum* Николая Кузанского, Инь и Ян даосизма служат Юнгу в качестве образца для построения модели психики. Символы сновидений не “обманывают” и не скрывают, не искажают сообщений бессознательного, как и символы мифологии. Бессознательное “компенсирует” односторонность сознания и говорит языком символов не потому, что хочет донести до сознания нечто запретное; символический язык является подлинным языком нашей души. “Смысл и целенаправленность не есть прерогатива разума, они действуют во всем организме. Нет принципиальной разницы между органическим и психическим развитием. Так же, как растение приносит цветы, психическое рождает свои символы”⁶.

⁴ См.: Jung C.G. *Gegenwart und Zukunft*. Ges. Werke. Bd. 10.

⁵ Цит. по.: Потебня А.А. *Слово и миф*. М.: Правда, 1989. С. 250—251.

⁶ Юнг К.Г. *Архетип и символ*. М.: Ренессанс, 1991. С. 61.

Поскольку символы у Юнга суть репрезентации архетипов коллективного бессознательного, а последние являются биологически наследуемыми предрасположенностями (если не платоновскими идеями), то онтологизация символов здесь еще более последовательна, чем у Фрейда. Для Фрейда сновидения были приватной мифологией индивида, у Юнга происходит полное отождествление символики бессознательного с образами мифологии и религии. Такое гипостазирование в большей или меньшей мере характерно для всего психоанализа — даже в социологизированной версии Э. Фромма речь идет о “забытом языке”. Фрейд создал собственную мифологию (Эдип, Эрос и Танатос, Ананке), но излагал ее позитивистским языком; это способствовало популярности психоанализа, который сделался современным мифом для утратившего религию среднего класса. Современный миф ничего не скрывает, “его функция заключается в деформировании, но не в утаивании”⁷ — основную массу пациентов составляют те, кто уже принял этот фольклор больших городов. К последователям Юнга приходят чуть более образованные (либо увлеченные всякого рода “тайными науками”).

Если бы психоанализ сводился к произведенным им мифам, то он заслуживал бы серьезного рассмотрения лишь как феномен социальной психологии, наряду с астрологией для домохозяек, либо как составная часть идеологии. Такое рассмотрение психоанализа вполне законно, поскольку он успел произвести множество “идолов рынка” и “идолов театра”. Но к этим кумирам он не сводится, будучи одной из самых плодотворных школ современной психологии. Применительно к теории символизма это означает, что наряду с онтологизацией символики бессознательного, несмотря на превращение психологии в метафизику, всегда присутствовал и совсем иной подход к бессознательному. Его можно назвать функциональным, и переход к нему заметен уже во многих трудах Фрейда, где он так и не был доведен до конца. Вероятно, нет нужды отбрасывать вообще вместе с пространственными метафорами в духе физиологии головного мозга какую-то иерархию психических процессов. Однако до сих пор термины “бессознательное” и “сознание” нередко рассматриваются

⁷ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 86.

в психоанализе как подвальный и верхний этажи, причем внизу хранится все то, что сброшено сверху или не требуется жильцам дома. С той разницей, что “подвал у Фрейда содержит в основном людские пороки, у Юнга он содержит, по преимуществу, мудрость человеческую”⁸. В случае символов такой субстанциализм ведет к целому ряду затруднений.

Поэтому уже в работах Фрейда имеется множество оговорок по поводу *eigentliche Symbolik*, а на практике он очень мало пользовался “иероглифами”, за которыми в обязательном порядке обнаруживались гениталии. Символы сотканы из материала ассоциаций, они связаны с жизненной историей индивида. В ортодоксальном психоанализе произошла релятивизация двух тезисов Фрейда: о постоянстве значений символов и об их независимости от индивидуальных условий. Классической для психоанализа стала работа Э. Джонса “Теория символизма” (1918), в которой была предложена целостная концепция, отвергающая две крайности: во-первых, упомянутую выше онтологизацию символов (критикуя Юнга, он отчасти задевает и Фрейда), и во-вторых, противоположную тенденцию — размывание границы между сознанием и бессознательным, между “первичными” и “вторичными” процессами. Джонс в известной мере считается с тем, что все разрабатываемые вне психоанализа теории символа связывают символическую функцию с деятельностью сознания. Он не отрицает роли апперцепции в образовании символов: они являются компромиссными формами, состоят из сознательных и бессознательных элементов. Общими для всех символов он полагает следующие черты: сходство знака и обозначаемого, сгущенность знака в сравнении с денотатом, сокрытость означаемого, красочность символического мышления в сравнении с научным и предшествование первого второму (с указанием на символичность детского и первобытного мышления). Но главным для Джонса и для всех фрейдистов является вытеснение как главный источник образования символов. Критикуя Юнга, ближайший в то время ученик Фрейда, Ш. Ференци писал: “Не все то, что стоит на месте другого, является символом... Символом в психоаналитическом смысле такое уравнение становится лишь в тот момент,

⁸ Fromm E., Suzuki D.T., Martino R. de. Zen Buddhism and Psychoanalysis. N.Y., 1960. P. 96.

когда цензура вытесняет первоначальное значение уравнения в бессознательное”⁹. Только там, где исходное значение вытесняется в бессознательное, где оно недоступно прямому постижению из-за сопротивления, в сознании появляется тот иероглиф, который одновременно говорит и умалчивает, открывает и скрывает. Иначе говоря, лишь то, что было вытеснено и не может вернуться по причине “цензуры”, нуждается в символической репрезентации. Психоаналитик занят расшифровкой не просто сложного “текста”, где имеются пропуски и искажения; эти пропуски имеют собственную логику, связаны с “работой” той инстанции, которая систематически искажает “текст” мыслей и переживаний человека, так что сам он не отдает себе отчета, не замечает искажений. Более того, явный смысл часто является результатом рационализаций, т.е. идеализированных мотивов, скрывающих подлинную мотивацию. Желаемое принимается за действительное (*wishful thinking*), но иллюзии имеют значение как замещения подлинных устремлений.

Именно эти идеи Фрейда представляют собой сущность психоаналитического подхода, а потому можно отказаться от фрейдовского пансексуализма и натурализма, даже от специфической для Фрейда трактовки влечений (по схеме возбуждение-удовлетворение) — главное, что сохраняется, это динамическая картина взаимодействия различных инстанций психики, вытеснение одних содержаний другими и символизация одних другими. В герменевтической версии психоанализа, как мы увидим далее, отказ от натуралистических схем приведет к дальнейшей разработке теории символизма. Теория символа непосредственно связана с методом интерпретации. Пока символы являются просто сигналами, как симптомы в соматической медицине, то никакое истолкование в строгом смысле слова не требуется. Конечно, всякий опытный терапевт по внешним признакам диагностирует болезнь, но боль в боку, слезящиеся глаза или покраснение кожи в “толковании” не нуждаются, будучи такими же соматическими явлениями, как внутренние процессы. Даже в клинической психиатрии те или иные симптомы и синдромы — психические по форме и содержанию — указывают на какие-то реальные или

⁹ Ferenczi S. Bausteine zur Psychoanalyse. Leipzig, 1927; Nachdruck Bern u. Stuttgart, 1964. Bd. I. S. 247.

гипотетические нарушения соматического порядка. Физическое явление “а” здесь относится к процессу “А”, который объясняется теоретической моделью, а не истолковывается. Если же символы представляют собой знаки особого рода, если они указывают одновременно на явный и скрытый смысл, то возможным и необходимым оказывается их истолкование, расшифровка скрытых значений за явными. Психоанализ в значительной мере способствовал возрождению интереса к проблеме символа в наше время¹⁰, когда, кстати или некстати, слово “символ” употребляется чуть ли не всеми гуманитариями и литераторами.

В “Толковании сновидений” Фрейд самым недвусмысленным образом отказывается не только от религиозно-мифологического истолкования, но и от наследия немецкого романтизма. Фрейд пренебрежительно говорит о “символическом толковании”, которое на место одного целостного образа ставит другой. Символы мифологии или поэзии могут целостно выражать соответствующее переживание или божественный образ, особенное и всеобщее тут даже неразличимы, согласно формуле Шеллинга: “Изображение абсолютного с абсолютной неразличимостью общего и особенного в особенном возможно лишь в символической форме”¹¹. Значение и бытие составляют здесь нерасчленимое единство, значение просвечивает сквозь мифологический образ, хотя он существует безотносительно к чему бы то ни было. В романтизме “осмысленный образ”(Sinnbild) представляет собой единство явления и значения, чувственного и сверхчувственного, где “чувственное — это не просто ничтожество и мрак, но истечение и отблеск истинного”¹². К такому “символическому толкованию” склонялся Юнг: символ сновидения у него целостно передает “праобраз”, архетипическое представление, чуть ли

¹⁰ “Удивительная мода на психоанализ, — писал М. Элиаде, — принесла успех нескольким ключевым словам: образ, символ, символизм уже сделали расхожей монетой” (Eliade M. Images et symboles. Essais sur le symbolisme magico-religieux. Paris: Gallimard, 1952. P. 9). Разумеется, о символе писали до и независимо от Фрейда или Юнга — примером может служить не только “символизм” в литературе конца XIX — начала XX вв., но и долгая религиозно-философская традиция. Однако в гуманитарные науки середины XX в. тема символа приходит во многом благодаря психоанализу. См., например, замечания по этому поводу: Blanchot M. Le livre a venir. Paris: Gallimard, 1959. P. 129—134.

¹¹ Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. С. 106.

¹² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. С. 118.

не платоновский эйдос, поднимающийся из бессознательных глубин. Для Фрейда и большинства его последователей подобное толкование означает подмену науки мифологией или даже оккультизмом¹³. Невротический симптом не является ни мифологическим образом, ни каким-то единством смысла, которое могло бы вести самостоятельное существование и целостно выражать невроти́ческий конфликт. Образ сновидения искажает скрытый смысл. Правда, у Фрейда здесь имелись немалые колебания. Фундаментальной предпосылкой для него является наличие “сновидческой мысли”, “бессознательного мышления” — еще до всякого толкования сновидение полагается уже носителем “идей”, а потому оно “прочитываемо”¹⁴. Это ставит под вопрос все утверждения Фрейда о наличии каузального отношения между скрытым и явным смыслом. Чтобы истолковать “текст” конкретного симптома, он переходит ко все более общим контекстам, которые также оказываются “текстами”: Эдипов комплекс у нашего современника отсылает к первобытной орде, к “архаичному наследию” коллективной памяти. Метафорическое теоретизирование по поводу культуры дает расшифровку конкретному случаю, который, в свою очередь, делается небольшим отрывком универсальной книги человеческого бытия.

Поэтому элементы “символического толкования” были и остаются важной стороной психоанализа, в особенности в его отражениях в культурологии, эстетике и социологии. Символическое толкование идет рука об руку с телеологическим, поскольку “первичные влечения” задают финальную цель всех психических процессов. Юнг прямо признавал, что его толкование является телеологическим. Фрейд считал себя сторонником детерминизма, но и у него нередко смешиваются заранее постулированная устремленность всех психических процессов и результат истолкования данного конкретного случая.

Тем не менее наивная телеология в духе Аристотеля никогда не преобладала в психоанализе. Всякое функциональное истолкование предполагает телеологию, поскольку часть выступает как

¹³ Фрейд писал о “невозможности рабочего сообщества аналитиков и оккультистов” на том основании, что “аналитики являются, по сути, неисправимыми механистами и материалистами” (Freud S. Ges. Werke. Bd. XVIII. S. 28).

¹⁴ См.: Blumenberg H. Die Lesbarkeit der Welt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1985. S. 334—344.

функция целого. Качественные функциональные отношения вообще выразимы лишь в телеологических, вернее, квазителеологических суждениях. Их можно сформулировать в телеологических терминах, “истинность которых тем не менее зависит от истинности номических связей. Объяснения этого вида гораздо чаще отвечают на вопросы о том, как нечто произошло или стало *возможным*, ... чем на вопросы о том, почему нечто произошло с *необходимостью*”¹⁵. Понятны трудности, стоящие на пути превращения психологии в естественную науку, ставящую на место качественных зависимостей количественные. Психоанализ, в отличие от академической психологии, имеет дело со сложными психическими феноменами, которые не поддаются квантификации. Попытки Фрейда измерять эти явления квантами энергии не шли дальше метафор. Однако наличие квазителеологических объяснений не делает психоанализ “антинаучным”, поскольку к ним прибегают многие научные дисциплины, имеющие дело с качественными переменными. Такие суждения не служат для предсказания будущих событий, но по наличному событию или процессу находят предшествующие необходимые условия, отвечая не на вопрос “почему”, а на вопрос “как возможно”. Г.Х. фон Вригт удачно назвал их “ретросказаниями”. В психоанализе, как и в медицине в целом, значительную роль играют индуктивно-вероятностные модели, объясняющие, не “почему” события произошли, но вероятность их ожидания. Невротические нарушения более вероятны у пациента с таким детством и с такими конфликтами. Там, где у Фрейда речь идет о психической причинности, М. Шелер (в “Сущности и формах симпатии”) предлагал говорить о судьбе. Сознательно судьбу не выбирают, ее линии в значительной мере определяются впечатлениями раннего детства, периодом формирования характера. Настоящее и будущее зависят от прошлого, но это не жесткая детерминация, а ограничение круга возможностей. Каждое переживание имеет лишь единжды, оно уникально, занимая свое место в жизни индивида. Но они кристаллизуются в черты характера, склад ума, преобладание определенных аффектов; что-то получает перевес, что-то блокируется. Одни события становятся более вероятными, чем

¹⁵ Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. С. 117.

другие. В психоанализе преобладают такого рода “ретросказания” и индуктивно- вероятностные модели, хотя Фрейд придавал им черты универсальных каузальных закономерностей. В действительности они не объясняют, но оправдывают определенные ожидания и предсказания на основе имеющегося эмпирического опыта. Психоанализ вполне может оставаться научной дисциплиной, даже если мы отбросим его формулировки универсальных законов. Но не удивительно то, что последователи Фрейда держатся этих обобщений метапсихологии: если постулированные общие законы таковыми не являются, то психоанализ из многообещающей общей психологии (и тем более философской доктрины и даже рода обмирщенной религии) становится прикладной наукой — эвристически ценной, но ограниченной пределами медицинской практики и требующей иной теории, устанавливающей номические связи.

Многие психотерапевты психоаналитической ориентации фактически вообще отказались от поиска причин даже применительно к неврозам. Произошло смещение от установления, “почему” тот или иной аффект возникает у пациента, к тому, “что” и “как” он переживает. Лечебное действие вызывает не установление причин: “интерпретация отныне — это встреча пациента со своим опытом”¹⁶. Исторические реконструкции раннего детства уступают место анализу актуальных переживаний. Пациент сам придет к тому или иному “почему” после того, как сумеет овладеть “что” — содержанием своих переживаний и конфликтов. Подобная реформа психоанализа угрожает ему тем, что название “глубинная психология” станет излишним, да и все притязания на оригинальную теорию оставляются во имя эффективности терапии. Исчезает и символическая репрезентация латентного содержания явным.

Преобладание символического и финального толкования делает психоанализ родом мифологии. Признание господства квазителеологических “ретросказаний” и индуктивно-вероятностных моделей сохраняет звание науки, но прикладной и лишенной всех притязаний. Редукция бессознательного символизма к актуальным переживаниям делает психоанализ прагматически эффективной терапией, вообще лишенной теоретического

¹⁶ Singer E. Key Concepts in Psychotherapy. N.Y.: Random, 1965. P. 203.

основания. Таковы последствия принятия методов толкования, которые часто встречаются в психоаналитической литературе.

Но психоанализ не исчерпывается этими методами интерпретации. Толкование отдельных симптомов или сновидений связано с дескриптивным понятием бессознательного; здесь фиксируются ошибки, пробелы, несообразности, умолчания. С систематическим понятием бессознательного, которое должно объяснять эти разрывы, связаны так называемые “реконструкции” индивидуальных случаев. Симптомы или сновидения входят в целостность биографии пациента. То, что внешне кажется лишенным смысла, на самом деле им наделено, только это смещенный и деформированный смысл. Сознание, вопреки всей философии *ego cogito*, недостоверно, оно не может служить основанием себе самому и всему другому. Психоанализ является “археологией субъекта”, и метод истолкования, наиболее характерный для Фрейда, — это генетическое истолкование, роднящее психоанализ не с естествознанием, а с герменевтикой.

По следам, оставленным каким-то психическим процессом, нужно определить сам этот процесс, подобно тому, как археолог восстанавливает образ древней колонны по одной оставшейся ее части, либо подобно детективу, находящему преступника по оставленным им следам и приметам. З. Бернфельд, кажется, первым определил психоанализ как “науку о следах”, “следопытство” (*Spurenwissenschaft*). “Преступление” здесь совершено тем процессом, который вызвал нарушения. Конечно, предпосылкой генетического толкования является некая общая модель психики, в которой утверждается, во-первых, что психические процессы оставляют следы, а во-вторых, между этими следами и процессами должна существовать такая содержательная связь, что следы символизируют процессы, замещают их. Наконец, требуется знание механизма преобразования прошлого явления в символ. Конечно, след мог остаться и от совсем другого процесса, нам неизвестного (либо вообще не осталось никакого следа). Как это нередко случалось с Фрейдом, он облегчил себе и своим последователям жизнь, приняв в качестве постулата¹⁷, что все

¹⁷ С известными оговорками: “нам следует держаться того, что сохранение прошлого в душевной жизни есть, скорее, правило, нежели исключение” (Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. С. 73).

события психической жизни сохраняются в памяти; более того, они передаются по наследству. Это допущение сделало возможным сомнительные аналогии между явлениями индивидуальной жизни и социальными феноменами. Однако реконструкция прошлого по оставленным следам совсем не обязательно требует столь широких обобщений. Достаточным условием генетического толкования является тезис, согласно которому отдельные психические процессы поддаются реконструкции по их замещениям. Таким методом реконструкции пользуются многие гуманитарные науки. Генетическое толкование не сводится к квазителиологическим объяснениям, и даже Шерлок Холмс не ограничивался индукцией, хотя обосновывал каждый шаг индуктивными выводами. “Науки о духе” постигают конкретное явление на базе общих знаний, имеющегося опыта, но здесь интерес представляет само индивидуальное, не сводимое к общему закону. Генетическое толкование, “реконструкция” каждого явления в контексте истории жизни сближает психоанализ с герменевтикой.

“Герменевтический поворот” последних десятилетий в психоанализе связан не столько с *Daseinsanalyse* таких последователей М. Хайдеггера, как Л. Бинсвангер и М. Босс, сколько с трудами ведущих западных философов (П. Рикер, Ю. Хабермас, К.-О. Апель) и с методологическими работами психоаналитиков в США и в Германии. На немецкоязычную аудиторию наибольшее влияние оказали работы А. Лоренцера, именуемые его последователями то “критической теорией субъекта”, то “материалистической теорией социализации”, то “глубинной герменевтикой”.

С точки зрения Лоренцера, психоанализ отличается по своему положению не только от естественных, но и от исторических наук. У психоаналитика нет документов, свидетельств других лиц, высказывания пациента о прошлом вообще не проверяются им на истинность и ложность. Если в истории сообщение одного документа можно подтвердить или опровергнуть другим (либо археологическим открытием), то психоаналитика вообще интересует не истинность высказываний пациента, а их смысл для него. Содержит ли суждение пациента о прошлом истину или намеренную ложь, это не подлежит проверке. Аналитик работает на уровне смысловых связей, он не собирает данных о прошлом,

поскольку “он целиком остается в области содержания, не объективируя его каким-либо образом путем наблюдения следов поведения”¹⁸.

Некоторые психоаналитики делают критерием истинности “инсайт”, чувство очевидности, возникающее у пациента по поводу своего переживания прошлого или настоящего. Такое чувство очевидности играет в психотерапии огромную роль, но если истину свести к такому чувству, то психоанализ мало чем будет отличаться от целительства с некой мировоззренческой системой, предлагаемой прозелитам для решения экзистенциальных проблем. Случаев чудесного исцеления не счесть, шаманы, жрецы, телепроповедники и гипнотизеры приходят иной раз к изумительным результатам, но это никоим образом не свидетельствует об истинности предлагаемых ими фантастических доктрин. Психоанализ является наукой, а не мировоззренческим целительством, но это наука особого рода, она работает на уровне смысловых, а не каузальных связей.

Первое, что должен установить аналитик в диалоге с анализируемым, это связность ему сообщаемого. Сообщения пациента должны быть вообще осмысленными. Ситуация аналитика напоминает положение иностранца, плохо знающего чужой язык и вынужденного все время концентрировать внимание на том, что же имеют в виду другие. На уровне “логического понимания” немаловажно вышеупомянутое чувство очевидности — качественный скачок от непонятого к понятному. Но психоаналитика интересует не фактическое содержание высказываний (им он как раз пренебрегает). Смысл для него отделен от факта, “реконструируемая психоаналитиком действительность есть символическая действительность пациента”¹⁹. Основанием “логического понимания” является наличие общего языка, общего универсума значений у аналитика и анализируемого. Первый включает значения второго в свою символическую систему; одно и то же слово может иметь множество значений в зависимости от контекста, и аналитик “собирает” из потока сообщений символическое целое. Уже на уровне “логического понимания” аналитик неизбежно входит в герменевтический круг: целое понимается через части,

¹⁸ Lorenzer A. Sprachzerstoerung und Rekonstruktion. Frankfurt a. M., 1969. S. 81.

¹⁹ Ibid. S. 88.

а они ясны из целого, уточняют то предположение, которое предшествовало пониманию каждой из частей.

“Логическое понимание” относится не только к высказываниям, поскольку драматические действия и жесты понятны в языковом сообществе. Границей подобного понимания является бессознательное: нам понятно уже предпонимаемое в языке, тогда как бессознательное для него закрыто, находится за пределами символической коммуникации, антиципации слов и жестов. Ни невротик, ни окружающие не ведают о причинах симптомов, пациент “обманывает” не только других, он обманывается и сам. Язык у него не является в строгом смысле “приватным” — такого языка, если верить Витгенштейну, не существует. Однако этот язык непонятен другим, образует сравнительно закрытую систему с искаженными, перевернутыми значениями. В классическом случае “маленького Ганса” слово “лошадь” обрело дополнительное значение, причем то, что оно обозначает и замещает собственного отца, вытеснено из сознания. “Приватные” значения прячутся за обычными, и задачей аналитика является включение их в языковую коммуникацию. Уже поэтому терапевт не может обойтись одним “логическим пониманием”: вытеснение и сопротивление бессознательного продолжают действовать. Если в классической герменевтике филолог или историк имеют дело с пробелами в текстах, которые нужно понять из смысловой связи целого, скажем, из духовной традиции, то психоаналитик сталкивается с пробелами, причины которых лежат за пределами языковой коммуникации.

Интеракция не сводится к языковой коммуникации — область человеческого взаимодействия много шире языковых игр. Психоаналитическая герменевтика работает на уровне языка, но начинается она с безъязыкого страдания пациента. Символами пациента аналитик интересуется лишь потому, что они регулируют жизнь больного, а жизнь эта сделалась нестерпимой. Нужно очистить ее от всего того, что вредит жизнедеятельности; познание чужой психики не является самоцелью, это средство изменения поведения и мышления пациента.

Психоаналитика интересует не сказанное само по себе, а сказавший субъект, который не растворяется в языковой коммуникации. Метод психоанализа поэтому схож и с тем, что “понимающая психология” называет эмпатией. Целью познания в обо-

их случаях являются конкретные психические процессы и страдания. Однако эмпатия играет в психоанализе ограниченную роль, поскольку понимание у аналитика происходит на уровне не переживаний, но высказываний; непосредственно переживаемое доходит до него в виде словесных ассоциаций. К тому же “психологическое понимание”, как и традиционная герменевтика, работает “по горизонтали”, без учета бессознательного, в то время как психоаналитик обращается к “вертикали” — поэтому речь идет о “глубинной герменевтике”.

Психоаналитическое понимание Лоренцер определяет как *сценическое*. Перед тем как обратиться к его трактовке Лоренцером, следует рассмотреть его учение о символе, о репрезентации в целом. Он считает, что учение Фрейда о символизме безнадежно устарело, противоречит достижениям последних десятилетий в лингвистике, психологии, философии. В психоанализе и побудительным источником, и центром образования символов является “Оно”, а на долю “Я” остаются “вторичные” процессы переработки и ассимиляции. Современные теории, разрабатываемые за пределами психоанализа, ясно указывают на то, что центром формирования символов может быть только “Я”. Поэтому на долю “Оно” Лоренцер оставляет роль побуждения: в определенных ситуациях бессознательные содержания психики “высвобождаются” и тогда воспринимаются и перерабатываются “Я”. Влечения сами по себе не имеют символической формы, да и не являются единственным источником их порождения. Таким образом, фрейдовские инстанции “Оно” и “Я” сохраняются, но психоаналитическая теория освобождается от онтологизации бессознательного. “В новой трактовке вновь отдается должное соучастию, активности субъекта, тогда как образование символов предстает как функция “Я”²⁰. Бессознательное оказывается в таком случае резервуаром еще не или уже не символических образований, поскольку символическую форму дают лишь синтезы деятельности “Я”. Это своеобразное кантианство в психоанализе в известной мере связано с тем, что главным авторитетом по вопросу о “символических формах” для Лоренцера выступал Э. Кассирер (и американская ученица последнего, С. Лангер). Но бес-

²⁰ Lorenzer A. Kritik des psychoanalytischen Symbolbegriffs. Frankfurt a. M., 1970. S. 65.

сознательное Лоренцером, конечно, не отбрасывается, иначе он не был бы психоаналитиком. Символы суть представления, замещения чего-то иного. Термин “репрезентация” шире “символа”: “Сознательные представления имеют форму символов, бессознательные представления, напротив, не являются символическими структурами”²¹. Эти лишенные символической формы репрезентации-заместители он предлагает называть “клише”. Они находятся в генетической связи с символами — некогда они обладали символической формой, но затем были вытеснены из языковой коммуникации, “экскоммуницированы”. Они не утратили, однако, ни своей интенциональности, ни динамически-энергетических характеристик, и могут вернуться в символический ряд.

Символы относительно независимы от реальной ситуации, в них различимы значение и объект, они дают возможность “проиграть” ситуацию в уме, оттянуть действие, инструментально его опосредовать. Клише срабатывают автоматически, ситуация действует как стимул, вызывающий принудительную реакцию, объект и значение не различаются. Действие происходит “за спиной” индивида, безотчетно переходя в моторное поведение. В навязчивых симптомах легко ощутима строгая детерминация, необратимость действия, “неизнашиваемость” клише — они стереотипны, один и тот же образец заявляет о себе в различных сновидениях, фантазиях, действиях. Тут нет изменчивости, гибкой приспособляемости к ситуации; клише напоминает этим инстинкты животных. Впрочем, это сходство не идет дальше внешних проявлений: и клише, и инстинкт как бы автоматически спускают курок действия в ответ на ту или иную ситуацию. Клише принадлежит миру человеческой деятельности, некогда они были символами, они так или иначе осознаются, входят в символический ряд, но не в своем истинном значении. В случае невроза навязчивых состояний или истерии невротик осознает совершаемое им действие; оно бессмысленно, непонятно, иррационально. Но мир человека всегда осмыслен, и смыслы “не терпят пустоты”: для клишированных действий невротик находит рационализации — ложные объяснения, мотивы своих поступков. Отколовшись от коммуникации, утратив символическую форму, клише сохранили направленность на тот же объект, они интенциональны. Десимволизация

²¹ Lorenzer A. Sprachzerstörung und Rekonstruktion. S.113.

объекта означает, что одновременно было вытеснено и какое-то представление о самом себе: в клише исчезают оба полюса интенционального акта, но он остается человеческим действием, а не инстинктивным поведением животного.

Имеется и другая линия трансформации символов — в знаки. С обеднением содержания, ослаблением эмоционального соучастия субъекта появляются знаки в собственном смысле слова. Рост денотации и уменьшение коннотации, объективируемость, практически полная независимость от объекта и произвольность знака, уже не вызывающего никаких аффектов, — вот путь превращения символа в знак. Символы чувственно-конкретны, многозначны; знаки абстрактны, означаемое и означающее относятся “один к одному”. Взаимоотношение субъекта и объекта утрачивает богатство красок и сводится к интеллектуальной “игре в бисер”. Если в науке и технике такая объективность и абстрактность знаковых систем необходимы, то в иных областях контроль рассудка над “жизненным миром” может иметь психопатологический характер. Вытеснение какого-либо символа, превращение его в клише сопровождается и появлением пустых, лишенных эмоционального содержания знаков. Шаблонные мысли, эмоциональное опустошение играют в жизненном мире невротика не меньшую роль, чем клишированные действия.

Некоторые сторонники герменевтической трактовки психоанализа, в частности, Хабермас, видят цель психоанализа в связанном рассказе пациентом своей жизненной истории. Ликвидировав все пропуски, систематизировав свою биографию, пациент освобождается и от невроза, и от “систематического искажения коммуникации” со стороны идеологии. Для Лоренцера психоаналитическая терапия имеет мало общего со связанной нарративной историей. В центре внимания аналитика находится не действительная история жизни пациента, а те точки конфликта, которые вызывают страдания. Действительная история жизни зачастую имеет лишь косвенное отношение к тем смысловым связям, которые сложились в психике индивида. “Жизненный мир, проблематичная жизненная драма пациента — таков предмет психоанализа”²². Смысловые связи могут быть достаточно независимы-

²² Lorenzer A. Intimitat und soziales Leid. Archäologie der Psychoanalyse. Frankfurt a. M., 1984. S. 148.

ми от фактических событий прошлого. Глубинная герменевтика не является сообщением умершего смысла, реставрацией прошедшей жизни — всякая реставрация, как писал Гадамер, представляет собой бессильное начинание перед лицом историчности нашего бытия. Психоаналитик занят не восстановлением изначальных обстоятельств раннего детства пациента, а избавлением его от нынешних страданий.

Психоанализ определяется Лоренцером и как “герменевтика телесного”, и как учение о “формах интеракции”. В телесном страдании встречаются природа и общество, влечение и смысл, чувственный и рациональный опыт, травмирующее воздействие извне и реакция одушевленной плоти. Та же сексуальность, занимающая столь большое место во фрейдизме, является составной частью “жизненного мира”, а не чисто природным инстинктом. Влечение представляет собой “жизненный проект”, это форма интеракции, место встречи индивидуальных особенностей и коллективных норм. Все психоаналитические термины переосмысляются Лоренцером в духе интеракционизма и десубстанциализируются. Но интеракция не сводится к коммуникации, так как язык не охватывает всех форм взаимодействия. Имеются предшествующие языковым формы интеракции — в первые месяцы жизни ребенок еще не включен в языковое сообщество. Далеко не все формы практического взаимодействия целиком выразимы в языке (идет ли речь об отношениях в любовной паре или о функционировании завода, система отношений не сводится к языковой коммуникации). Вербальная регуляция поведения вообще характерна для современного общества с его рационализацией межлического общения и нескончаемой болтовней в средствах массовой информации. Но и сегодня реальная жизнь не похожа на Talk-Show, а в традиционном обществе словесная регламентация играла заметную меньшую роль.

Именно потому, что психоанализ выходит за пределы языковых игр, он способен их изменять. Аналитик оперирует языком, чтобы выйти к той скрытой реальности, которая еще или уже не имеет языковой формы, а затем помочь пациенту ввести ее в символическую коммуникацию. Как языковые, так и доязыковые формы интеракции называются Лоренцером то “жизненными проектами”, то “практиками”, то “формами жизни”. Как подчеркивает сам Лоренцер, введение понятия “практика” в психоанализ заставляет распрощаться со многими положениями клас-

сического фрейдизма, прежде всего с биологической онтологией Фрейда. “Оно” уже не может мыслиться как природно данное и аисторичное: “бессознательное должно быть понято как социально установленное”²³, поскольку является итогом процесса социализации, начинающейся еще в то время, когда ребенок находится во чреве матери. Реакции матери на движение плода являются социально обусловленными, как и ее взаимодействие с новорожденным. В “диаде мать-ребенок” происходит особого рода “производство” — формирование человеческой субъективности. Каждая интеракция обуславливает последующую, а в результате их повторения “выпадают в осадок” стабильные формы интеракции, субъективные структуры, некая организация “практик”. Природа человека является уже всегда социализированной, но эти формы интеракции всегда включают в себя телесно-чувственные, сенсомоторные элементы. Будучи образцами для всего дальнейшего поведения индивида, они выступают как “субъективный фактор” для историка, исследующего взаимодействие данного индивида с объективными структурами.

“Первичной социализации” в раннем детстве посвящена работа Лоренцера “К обоснованию материалистической теории социализации”²⁴. В ней развитие ребенка предстает как одновременно естественно-природный процесс и социальная история формирования (*soziale Bildungsgeschichte*). Понятно, что психоаналитическая теория социализации отличается от той психологии развития, которая, вслед за Пиаже, уделяет основное внимание когнитивным процессам. Аффективное взаимодействие с людьми и предметами играет решающую роль в психоанализе, а потому для Лоренцера центральным предметом исследования являются влечения, понятые как изначальные проекты таких взаимоотношений. Доязыковые формы интеракции постепенно включаются в языковую коммуникацию, и как раз в это время происходит образование клише; если нарушения относятся к более ранней, доязыковой стадии, то возникают дефекты личности, которые в еще большей степени нарушают практическое взаимодействие с другими, с миром и с самим собой.

²³ Lorenzer A. Das Konzil der Buchhalter. Die Zerstörung der Sinnlichkeit. Frankfurt a. M., 1984. S. 11.

²⁴ Lorenzer A. Zur Begründung einer materialistischen Sozialisationstheorie. Frankfurt a. M., 1972.

Частности данной теории социализации нас в данном случае не интересуют. Важно то, что Лоренцер является противником “типика психоаналитического фамилиализма”, столь характерного для тех, кто сводит все социальные процессы к отношениям “папа, мама и я”. Способы социализации, “стратегии воспитания” заданы господствующими социальными отношениями, которые, как правило, не осознаются проводящими социализацию ребенка родителями или воспитателями. В качестве примера Лоренцер приводит “функциональность” практик социализации в семьях низших социальных слоев современного общества: приучение к беспрекословному подчинению и “порядку”, “дрессировка” — все это орудия адаптации к социальной реальности. То, что в высших социальных слоях психические нарушения чаще имеют характер неврозов, а у представителей низших — психозов, определяется формами социализации, которые, в свою очередь, детерминированы экономическими и политическими отношениями.

Если сама природа человека жизненно-практична, то и практика психотерапии предполагает не чисто познавательное отношение между аналитиком и анализируемым. Психоанализ оказывается особого рода “формой жизни”, диалогическим общением, к которому не подходят критерии научности, разработанные на основе естественных наук. Но психоанализ все же направлен на познание скрытого — исключенных из языка форм интеракции. Они недоступны ни для “логического понимания”, ни для эмпатии, ни для классической герменевтики, имеющей дело с пробелами в текстах. Специфическим методом психоанализа является “сценическое понимание”. Ритуалы в неврозе навязчивых состояний, драматическое действо в истерии — вот примеры тех сцен, которые разыгрываются независимо от намерения или сознания индивида. Психоаналитик устанавливает особый порядок — последовательность сцен, прошлых драматических ситуаций пациента. Клишированное действие интенционально, в нем всегда присутствуют объекты, которые, на языке классического психоанализа, “инвестированы” влечениями. Речь идет об особом рода взаимодействии индивида с людьми и предметами, которое опосредовано образами этих лиц и вещей. Психоаналитика интересуют именно эти символические замещения, субъективный мир пациента, инсценировки в поле взаимоотношений с другими. Даже

самые дикие фантазии невротика представляют собой воображаемые соотнесенности, сценические аранжировки, в которых актуализируется определенный образец взаимодействия.

Из сообщений пациента аналитик улавливает ситуативные смысловые единства, по которым устанавливает образцы интеракции. Каждая отдельная сцена становится понятной из целого “драмы жизни”, но и целое расшифровывается лишь через конкретные сцены. Здесь действует тот же герменевтический круг, но с тем отличием, что сцены были исключены из языка, а главное, они ложно осмыслены, скрыты за рационализациями. Во взаимодействии с аналитиком пациент “проигрывает” ряд сцен, вплоть до “первоначальной сцены”, образца интеракции, который совсем не обязательно представляет некое фактическое прошлое, но воспроизводится в сновидениях и симптомах.

Пациенту не станет лучше, если аналитик прочитает ему лекцию об Эдиповом комплексе. Анализируемый вербализует и проигрывает одну за другой воображаемые сцены благодаря “переносу” влечений на аналитика. Вместе с вербализацией отношений с другими осознается и положение собственного “Я”. За обнаружением того пункта, где разошлись смысл и реальность, происходит постепенное слияние “приватных” значений (рационализаций и прочих масок) со значениями окружающих.

В каких бы многообразных одеяниях ни выступало клише, за ним стоит один и тот же образец, инсценируется одно и то же содержание. “Перенос” возвращает анализируемого в “первоначальную сцену” со всеми сопутствующими детскими аффектами. Аналитик, за счет “контрпереноса”, получает возможность участвовать, идентифицироваться с пациентом, понимать роль, которую играют реальные или воображаемые объекты в ситуациях анализируемого. Дериваты собственного бессознательного позволяют постичь бессознательное другого; “у себя” воспринимается alter ego (вернее, alter id). Аналитик входит в поле отношений пациента, в его жизненную драму, чтобы обнаружить скрытые правила этой “игры”, а затем и изменить их так, чтобы прекратились страдания. Сценическое понимание конфликтно, поскольку искусственное возвращение пациента к сценам раннего детства вызывает инфантильно-невротические реакции, раскол психики временно усиливается, так как проблематизированы

те защитные механизмы, с помощью которых невротик закрывался от своих внутренних противоречий. Психоаналитические реконструкции, по мнению Лоренцера, не являются гипотезами, так как аналитик имеет дело не с фактами, которые подводимы под общие номологические высказывания. Метапсихология представляет собой метагерменевтику, структурную теорию форм интеракции и языковых игр. Систематизированные формы интеракции представляют собой типичные схемы обобщения прошлого герменевтического опыта. В метагерменевтике нет индивидуальных имен, но некие общие схемы развития психических процессов. Индивидуальная жизнь пациента входит в анонимную схему, но входит всякий раз со своими индивидуальными особенностями. Поэтому, хотя индивидуальные случаи не фальсифицируют эту схему, опыт отдельного психотерапевта, а затем и всего психоаналитического сообщества может привести к изменению схемы.

Основанием глубинной герменевтики должна служить теория “форм интеракции”. Лоренцер провел такую дебиологизацию фрейдизма, что влечения превратились в “социально установленные” структуры отношений, интериоризированные в раннем детстве. Во влечениях уже всегда осуществлен синтез природного и социально-культурного, они интенциональны (это “влечения к...”, в них всегда присутствует предмет или лицо). Подвергая критике Фромма за “социологизм”, Лоренцер, по существу, близок этому варианту неофрейдизма, поскольку “формы интеракции” напоминают “социальный характер” Фромма (а влечения он вместе с Фроммом мог бы назвать “страстями”). Различия касаются главным образом теоретического обоснования, поскольку Лоренцер опирается на символический интеракционизм Мида, “языковые игры” и “формы жизни” Витгенштейна, “символические формы” Кассирера. Проблемы возникают в связи с отношением “форм интеракции” к языку. Воззрения Лоренцера претерпели эволюцию — поначалу он был близок критикуемому им лингвоцентризму, так как клише определялись им как “отколовшиеся символы”, лишившиеся символической формы репрезентации в результате вытеснения (причины которого, кстати, не проясняются). Критика Хабермаса, опиравшегося на первые работы

Лоренцера, это и скрытая самокритика. Между влечениями “Оно” и клише оставался зазор, поскольку первые оставались биологическими процессами, а вторые имели символический характер, а потому и были доступны для герменевтического понимания. Выход за пределы лингвоцентризма дала “материалистическая теория социализации”, введение доязыковых форм интеракции. Правда, эта теория социализации содержит номологические гипотезы в духе естествознания и социальных наук: герменевтическим процедурам предпосылаются всеобщие утверждения о психическом развитии ребенка в первые годы жизни, о механизмах образования “форм интеракции”.

Доязыковые “практики” постигаются путем сценического понимания; они “проигрываются”, “инсценируются” в диалоге аналитика и анализируемого. Можно согласиться с тем, что эти сцены образуют какую-то последовательность и нагружены аффектами раннего детства, что для целей терапии недостаточно традиционных герменевтических методов, поскольку человеческая жизнь не является текстом. Однако “инсценировка” той или иной структуры бессознательного — это еще не познание и даже не вербализация доязыковой “формы интеракции”. Здесь выходят на поверхность те “следы”, по которым должен идти аналитик, реконструируя смысловые связи в психике анализируемого. Но сами по себе эти доязыковые структуры немые, они должны войти в язык пациента, чтобы затем стать словесными ассоциациями для аналитика.

К “глубинной герменевтике” целиком относятся слова Ф. Шлейермахера о герменевтике вообще: она никогда не будет наукой, она является искусством. Герменевт не знает ни всех возможностей языка, с которым соотносится “грамматическая интерпретация”, ни всех моментов индивидуальной истории, к которой обращена “психологическая интерпретация”. Нужно переходить от одного к другому, не имея строгих правил перехода. Поэтому речь идет об искусстве, которое предполагает талант истолкователя языковых выражений и талант в познании людей. В психоаналитических реконструкциях, в толковании сновидений, симптомов, произведений литературы, осуществленных Фрейдом и его последователями, мы, без сомнения, имеем дело с высоким искусством интерпретации.

Понимание всегда приходит к границе неисчерпаемой индивидуальности другого и не может завершиться. Если психоанализ так и не обретет статуса научной теории, он все же сохраняет свою значимость как искусство понимания — этого достаточно для того, чтобы психоанализ мог играть свою роль эффективной психотерапии, то есть выполнять свою главную функцию, не претендуя ни на роль строгой науки, ни на роль оригинальной философской антропологии.

Препринт WP6/2003/03
Серия WP6
Гуманитарные исследования ИГИТИ

Руткевич Алексей Михайлович
Психоаналитическое учение о символе и интерпретации

Публикуется в авторской редакции
Ответственный за выпуск *Е.А. Рязанцева*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Корректор *Е.Е. Андреева*
Компьютерная верстка *О.А. Корытько*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Подписано в печать 30.04.2003 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Гарнитура Таймс. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,55.
Усл. печ. л. 2,32. Заказ № 106. Изд. № 306

Препринты ГУ ВШЭ

Серия WP6

“Гуманитарные исследования ИГИТИ”

Савельева И.М., Полетаева А.В. Функции истории: Препринт WP6/2003/01. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 40 с.

Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции “прошлого”: к социологии советского и постсоветского исторического романа: Препринт WP6/2003/02. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 44 с.

Андреев М.Л. Второе рождение нормативной поэтики. — Препринт WP6/2003/04. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 31 с.

Для заметок

Для заметок
